

Валерий Марро

Оборванные струны...

Повесть

(Слово о друге)

Валерий Марро

Оборванные струны. Повесть

«Автор»

2026

Марро В.

Оборванные струны. Повесть / В. Марро — «Автор», 2026

Юность всегда буйная, всегда стремительная, с большими надеждами на быстрый успех, признание и славу. Но жизнь иногда вносит в намеченные, смелые планы свои, роковые коррективы. И, в результате, обрываются внезапно идеально настроенные природой струны вдохновения, волновавшие души людей. Об этом расскажет всем, желающим знать правду, повесть о моей короткой и верной дружбе с композитором Владимиром Ивасюком, автором музыки и слов знаменитой «Червоной руты», мгновенно покоровшей сердца миллионов поклонников таланта юного гения на всей планете.

© Марро В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Марро

Оборванные струны. Повесть

С Володей Ивасюком я познакомился в 1978 году во Львовской консерватории, где мы вместе проходили обучение. Я наполнял себя знаниями на факультете оперно-симфонического дирижирования, в классе чудесного педагога и непревзойденного мастера своего дела, профессора Николая Филаретовича Колессы. Володя познавал науку на композиторском факультете, вернувшись в консерваторию после небольшого перерыва. Ему необходимо было посещать лекции еще пару лет, чтобы сдать экстерном пропущенный третий курс, защитить дипломную работу и получить документ об окончании высшего музыкального вуза страны. Однако композитора, близкого Володе по творческому направлению, в составе преподавателей вуза не нашлось, и ему пришлось совершенствовать свое мастерство у малоизвестного композитора Лешка Мазепы, который, несмотря на хорошее отношение к Володе, мало что мог дать в смысле профессионализма пытливому уму гениального самородка.

В связи с этим Володя решил активно обучаться сам, покупая, где только можно, альбомы эстрадной музыки современных всемирно известных композиторов и штудирова их днем и ночью. В этих красиво оформленных изданиях он пытался, по его словам, находить близкие его дарованию и стилю гармонические и мелодические элементы, ритмические особенности, формы и приемы изложения музыкального материала, что позволяло ему обогащать свою композиторскую технику, а также чувствовать себя причастным к современным течениям и стилям, модным среди молодежи.

Любил посматривать он также партитуры знаменитых опер, симфоний, балетов, готовясь перейти со временем в своей композиторской технике с эстрадного стиля на классический. Иногда он приносил на лекцию нотные тетради с записями своих новых музыкальных творений. (По его признанию, трудился он над ними в основном по ночам, отчего глаза его утром всегда были сонными, а припухшие веки – в красных прожилках). Мы потихоньку, незаметно от преподавателей, открывали принесенные пьесы и немедленно погружались в их детальное изучение, пользуясь хорошо развитым внутренним слухом и умением слышать музыку без проигрывания нот на инструменте.

Иногда он останавливал просмотр и, указав на какой-либо фрагмент своего труда, кивком головы и вопросительным взглядом как бы спрашивал меня: «Ну как, маэстро (именно так он чаще всего называл меня)... ничего? Может быть?». Я, как правило, выразительно поднимал большой палец, хвалил его интересные гармонические и стилевые находки в самобытных, инструментальных в основном, сочинениях. Но просил все же не забывать о своем удивительном мелодическом даре композитора-песенника, который и принес ему всемирную славу.

После такого активного творческого обмена у Володи заметно улучшалось настроение, исчезала куда-то сонливость, в глазах загорались живые, веселые искорки желания творить с еще большей энергией, что всегда радовало меня. Иногда такие беседы продолжались и после окончания лекций, когда мы уже покидали стены консерватории. В этих случаях Володя делал, как правило, щедрый джентльменский жест и приглашал меня, вечно безденежного студента, на «чашечку кавы» в кофейню, что находилась метрах в ста от консерватории.

И вот однажды, снедаемый любопытством, я не удержался и, преодолев стеснение, спросил своего щедрого визави:

– Скажи, Володя... а как тебе пришла идея создания твоей знаменитой «Червоной руты»? В каком порядке это произошло: музыка вначале... а потом слова? Или наоборот – слова... а потом музыка? И как вообще зародилась эта счастливая идея?

Володя вначале слегка замялся, сделал паузу, а потом сказал тихо-тихо, приблизившись ко мне:

– Да как-то так, Валера... само собой всё и случилось. Мне тогда девушка нравилась одна... Вот я и представил её... в горах, на карпатских равнинах, среди цветов. А там встречается иногда очень редкая по цвету, волшебная, по народному поверью, красная рута, приносящая влюблённым счастье. Червена... если по-чешски, червона – если по-украински, а в древнерусском варианте – черлена! Красивые названия... не правда ли? Долго работал над текстом, изучал карпатские коломыйки, посвящённые руте, наслаждался их удивительной напевностью, разнообразием ритмов.

И как бы сами по себе возникли наконец две известные уже всем первые строчки... затем третья, четвёртая... А вскоре и музыка зазвучала... и пульс наш, карпатский, запросился в музыку! Я его приблизил к современному, сделал с синкопами острыми... чтобы он был ближе к танцевальному, живому и радостному. Вот так, примерно, всё это и было... Я никому не рассказывал ещё про тайну рождения «Червоной руты»... и не расскажу больше! Тебе первому вот решил признаться, потому что уверен: ты спросил меня с добрыми мыслями, а не с подвохом, как это у нас чаще всего бывает...

Подобную настороженность и нежелание пускать людей в свой крайне ранимый внутренний мир я замечал в Володе и раньше. На лекциях он бывал редко, часто пропускал их, считая, видимо, ненужными для своего образования. А когда приходил, то садился за стол не сразу, а долго выбирал, просматривая аудиторию, как бы решая для себя вопрос: «С кем бы более-менее достойным мне провести этот учебный час?».

И такое поведение Володи мне было в общем-то понятно: он избегал сближаться, даже временно, со случайными людьми, тем более – своими коллегами, среди которых было много завистников и просто низких, обделённых природой юнцов, которые иногда не упускали случая поиздеваться, унижить или даже публично оскорбить Володю.

Ещё до того, как мы стали дружить, я был свидетелем того, как в зале филармонии перед симфоническим концертом произошёл омерзительный случай травли и прилюдного поношения достоинств Володи как композитора молодым человеком, сидевшим в партере сзади него. Володя был с девушкой, они о чём-то тихонько разговаривали, просматривая программку концерта. Зал был полон, музыканты уже заняли на сцене свои места, зрители ждали с нетерпением выхода дирижёра. И вдруг громко, на весь зал, раздаётся мужской голос:

– Да... это действительно он, Ивасюк! Композитор одной песни «Червона рута». Ну... и ещё парочку чего-то накропал... что в деревнях поют! И больше ничего уже не напишет!

Я был на балконе, и мне было хорошо видно, кто затеял этот дебош. В ряду, что был за Володей, разместились компания юношей и девушек. И один из молодых людей, якобы отвечая на вопрос своей спутницы – действительно ли она видит перед собой знаменитого Ивасюка (эти подробности я узнал позднее, пообщавшись с сокурсниками, сидевшими в партере неподалеку от компании), – и произнёс эту заранее заготовленную крамольную тираду, ставшую достоянием не только Володи и девушки, сидевшей возле него, но и всего зала.

Пришедшие на концерт зрители повернули головы в сторону говорившего, а также Володи, который, резко поднявшись, замахнулся, чтобы ударить обидчика по лицу. Но руку его успели перехватить. Подбежали возмущенные люди, билетеры, другие работники филармонии, и провокатора, вытянув из ряда, быстро вывели, крепко держа под руки, из зала. (Как выяснилось позднее, это был коллега Володи по профессии, студент консерватории).

Естественно, зная об этом случае и других попытках унижить любым путём знаменитого студента (шептали иногда исподтишка, но так, чтобы слышал Володя: «Ивасюк... самодельный композитор!» или: «Плагатор! Содрал у поляков „Червону руту“... один к одному!»), я с повышенным интересом всегда наблюдал за ним, когда он появлялся на наших общих лекциях.

И вот где-то перед второй или третьей лекцией по истории украинской музыки Володя, постояв у входной двери, вдруг направился ко мне, подошел и спросил: – Можно я сяду с

тобой? Я, конечно же, охотно согласился, мы познакомились. И с тех пор проводили часы обучения вместе, посвящая их тщательному, незаметному для преподавателей разбору принесенных Володей ночных творений.

Однако эти дружеские отношения между нами однажды едва не закончились крупной ссорой. Как-то я вышел после лекции из аудитории раньше, а Володя остался выяснять с преподавателем какие-то нужные ему вопросы. Ожидание затянулось... А когда Володя появился, я в шутовском тоне поприветствовал его, сделав широкий жест рукой:

– И вот... наконец-то увидел я тебя вновь, мой звёздный мальчик!

Реакция Володи на эти весёлые и радостные, как мне казалось, слова меня поразила.

– Ты назвал меня... мальчиком? – спросил он через паузу негромко. Низко наклоненная голова и злой взгляд исподлобья не обещали ничего хорошего. – Да, Володя, назвал, – продолжал я, сохраняя по инерции весёлый тон общения. – А что... нельзя было? – Я – Ивасюк... Меня знает сегодня весь мир! А ты... ты назвал меня... мальчиком? – продолжил он медленно, твёрдо выговаривая каждое слово. – Как ты мог? Как ты... мог это сделать?

– Володя... что с тобой? – стараясь сохранять спокойствие, спросил я. – Тебя обидело слово «мальчик»? Какая глупость... ей-богу! Назови и ты меня так... или даже пацаном – я не обижусь! Ни грамма! Потому что приму всё за добрую шутку! Да, да... именно так – за добрую шутку! Мы же с тобой друзья, Володя... или нет? Сидим вместе на лекциях, обсуждаем столько всего интересного, а ты... что ты надумал? Опустись на землю, не напрягайся так... веди себя проще!

– Я никому не разрешал ещё... вот так, примитивно, относиться к себе... понимаешь? Никому! Никогда! – продолжал всё так же медленно, сквозь зубы, цедить Володя каждое слово. Я видел, как бледнело его лицо и всё круче сжимались кулаки. – Да... никому! Столько лет! А тут ты... у всех на виду, назвал меня... мальчиком! Зачем... зачем ты это сделал?

– Совсем не затем, чтобы тебя обидеть, Володя! – спокойно парировал я очередной упрёк. – А затем, чтобы высказать тебе по-свойски, дружески, своё признание твоего удивительного божьего дара!

– Божьего дара? – взорвался Володя, взмахнув руками. – Таким вот образом?! Назвав меня мальчиком?! Покрытое багровыми пятнами лицо Володи и плотно сжатые побелевшие губы маячили передо мной уже совсем близко!

– А вот и неправда, Володя! – быстро выпалил я, обрадовавшись подвернувшейся внезапно возможности перевести всё в шутку. – Я назвал тебя, Володя, не просто мальчиком, а... звёздным мальчиком! Да только ты почему-то не обратил на это абсолютно никакого внимания! И, не дав оппоненту опомниться, я завершил свою мысль, перейдя вновь на спокойный тон и равнодушно пожав плечами: – Хотя... впрочем, если ты так болезненно реагируешь на это дружеское, доброе по сути слово, я могу сейчас перед тобой извиниться. Да, да... я могу это сделать, Володя! Совершенно спокойно! Но только ты должен знать: после этого я не смогу быть с тобой, как раньше, рядом. Никогда... Тебя это устраивает?

– Нет... я не хочу этого! Совсем не хочу! – решительно выкинув передо мной ладонь, активно прервал мой затянувшийся монолог Володя.

– Тогда объясни мне – чего ты хочешь? – увидев с радостью смену в настроении Володи, задал я прямой вопрос. – Ведь ты же считаешь, что я повёл себя с тобой, знаменитым композитором Ивасюком, как-то не так, как должен был себя вести? Что я чуть ли не специально унизил тебя этим?

– Нет... это не так! – резко возразил Володя, мотнув головой. – Это совсем не то, о чём я сейчас думаю... что хотел бы тебе сказать! – Волнуясь, Володя уже с трудом подбирал слова. – Просто я... сейчас... хочу для себя... кое-что понять! Вот... вот это я хочу тебе сказать, а совсем не то, что ты вдруг подумал!

Я увидел, как постепенно стали разжиматься кулаки Володи, заметно светлело лицо, исчезали багровые пятна, выступившие перед этим на щеках.

– Ну... и что же ты хочешь понять – говори? – продолжил я своё наступление, стараясь не упустить инициативу. – Говори, говори... признавайся, что там у тебя внутри? И не волнуйся так – я пойму тебя!

– Да... я волнуюсь... и не хочу скрывать этого! – подтверждая свои слова активным взмахом руки, быстро заговорил вдруг Володя. – Потому что хочу теперь для себя понять... как же нам с тобой дальше быть после этого? Ведь это будет, по-моему... так глупо... не правда ли? – как-то неуверенно задал он не до конца понятный мне вопрос и замер в ожидании ответа.

– Что ты имеешь в виду... уточни? – по-прежнему сохраняя спокойствие, попросил я.

– Ну... вот это... то, что было! Только что! Если мы с тобой сейчас вдруг возьмём... и разойдёмся кто куда из-за какой-то ерунды... глупо ведь это будет, как ты считаешь?

– Считаю, что да – глупей не бывает! – ответил я уверенно. – Потому что причин для такого не нужного для нас обоих решения явно не было. И если ты ставишь вопрос именно так – я рад, Володя, что ты наконец-то это понял. Но всё же хочу спросить тебя... для окончательного прояснения ситуации... на будущее: как мы будем теперь общаться с тобой – по новым правилам, которые ты мне вдруг предложил минут пять назад... или по старым, друг мой Моцарт?

Наступила долгая пауза. Я уже подумал было – не сказал ли я вновь что-то лишнее, обидное для друга. Но Володя вдруг сделал шаг ко мне и крепко взял меня за локоть.

– Давай... попробуем упростить ситуацию, Валера... хорошо? – сказал он, пытливо вглядываясь в мои глаза.

– Хорошо... я не против! – в некоторой растерянности ответил я, сбитый с толку неожиданным предложением Володи. – Но... каким образом мы это сделаем... объясни?

– Да очень просто! – быстро ответил Володя. – Вначале давай сделаем так! Он решительно протянул мне свою широко раскрытую ладонь. Я с удовольствием крепко пожал её. – Затем вдохнём оба поглубже... вот так! Мы оба глубоко, как могли, вздохнули. – А теперь давай... с силой выдохнем! Мы оба дружно выдохнули.

– Ну... а теперь пойдём пить нашу любимую каву... идёт?! – На лице недавнего отчаянного забияки играла уже весёлая улыбка.

– Идёт! – с готовностью и облегчением согласился я, радуясь счастливому выходу из внезапно возникшей непростой ситуации...

* * *

Как-то утром, в начале марта 1979 года, я встретил Володю возле консерватории. Он был в весёлом, приподнятом настроении, и это сразу бросилось мне в глаза.

– Что случилось, Володя? – поздоровавшись, спросил я его. – Откуда ты такой счастливый? Никак родил миру ещё один шедевр?

– Не угадал, Валера, – засмеялся, мотнув головой, Володя. – У меня сегодня... другой праздник!

– Какой? Колись... не жадничай! – стал приставать я к знаменитости. – Давай... выкладывая: почему ты утром оказался здесь, в этом сквере... такой счастливый?

– Я сегодня... был у неё! До самого утра! – сказал он, приблизившись ко мне, таинственным полужёпотом.

– У кого – у неё? – спросил я, осмотревшись на всякий случай по сторонам.

– У Тани... Тани Жуковой... понял?

– Нет... не понял! – удивлённо мотнул головой уже я. – Ты же... вроде бы... говорил совсем недавно... что расстался с ней?

– Да... говорил... и не только тебе, – согласился Володя.

– Ну... и как же теперь расценивать вот этот... ночной визит? – стал выяснять ситуацию я. – Значит, вновь... всё по новой?

– А я с ней вот так... уже пять лет! – засмеялся Володя. – То сходимся, то расходимся...

– Странно... очень странно, Володя! – пожав в недоумении плечами, сказал я. – Пять лет – это уже срок! Причём очень большой для таких отношений! А почему... почему так, а не по-другому? – возбудился вдруг я, не в состоянии понять причины Володиного непостоянства. – Что тебе мешает быть с ней... любимой своей, вместе? Не временно... урывками, а каждый день? Ведь ты говорил мне как-то, что... любишь её! И давно хочешь на ней жениться...

– Да... говорил! – вновь согласился со мной Володя. – И что люблю, говорил, и что хочу жениться... тоже говорил! Но есть, маэстро, одно «но», через которое я никак не могу переступить...

– И что же это за «но» ... можешь поделиться по большому секрету? – спросил осторожно я вновь Володю, стараясь всё же вытянуть из него до конца всю правду.

– Могу... Тебе я могу сказать! – с грустью ответил Володя, помолчав. – Надоело мне всё это скрывать... Прятать свою любовь от людей и друзей... всё это мне давно уже надоело! Да... были у меня и другие девушки! Я по натуре влюбчивый... То глаза мне понравятся, то фигура... то походка! Но по-настоящему я люблю только одну – Таню Жукову! Уже много лет! А мама твердит мне без конца: «Не смей даже и думать о браке с ней! Не примем её мы в нашу семью! Помни всегда, что ты – Ивасюк! А она – Жукова! Россиянка! Да ещё выше тебя на полголовы!» Вот и приходится всем говорить, что я уже не встречаюсь с Таней, что расстались мы с ней. Не хочу я маму свою расстраивать! Да и папу тоже... он вообще поставил вопрос ребром: «Не смей! Прекрати!». Но как я могу приказать любви? Как? Нет у меня таких сил! Иногда... среди ночи вскакиваю как безумный... чувствуя, что не могу больше без неё! Что мне нужно срочно её увидеть... иначе помру! И тогда... посылаю всё к чертям, выбегаю на улицу, хватаю такси... и мчусь к ней... к Тане своей! В комнату общежития! И вот там наступает рай... и больше ничего мне в этой жизни не нужно! Вот так и было со мной... сегодня ночью... А теперь... иду по улице... и переживаю вновь... каждую минутку того блаженства в её объятиях! Счастливый... улыбаюсь как последний дурак... пока ты меня не встретил!

– Да... счастливым таким я тебя ещё не видел – это правда! – согласился я. – Но скажи мне: а почему же так поступает отец? – спросил я ночного донжуана, пытаюсь всё же понять, почему всемирно известный композитор, молодой ещё совсем человек, не может сам решить очень важный, сугубо личный вопрос – вопрос выбора спутницы жизни. – Ведь он как мужчина должен понимать тебя! Поддерживать... хотя бы в этом естественном желании найти себе спутницу жизни?

– Да... я пытался... и по-мужски говорить с ним, и по-разному – ни в какую! Нет – и всё! Категорически! Слово с меня даже взял!

– Слово? – удивился я. – О чём?

– О том... что не буду я с ней... вот о чём! – выкрикнул зло Володя. – Что ни встреч, ни любви у меня с Таней больше не будет!

– Ужас какой-то... – схватился я за голову. – Как можно вот так безжалостно всё разрушать? И не что-нибудь, а самое светлое чувство в мире – любовь! А о тебе... судьбе сына своего они подумали? О твоём душевном спокойствии, когда на тебя свалилась такая слава! Как могут они не понимать этого? И во имя чего они так упорно, так грубо и безжалостно стремятся убить твою любовь? Почему без конца внушают тебе невозможность твоего брака с любимой девушкой? Ведь только тогда и музыка полнётся вновь, легко и свободно, как раньше, и появится желание жить и творить...

– Да, Валера, всё верно: семейный уют – это то, о чём я мечтал ещё в школе! – внезапно резко остановил мой пылкий монолог Володя. – Но... нет у меня, видать, нужной воли, не могу

я пройти сквозь этот запрет. Так заведено у нас в семье: авторитет родителей должен быть для нас, детей, непреклонным! А слово их – равно закону! Во всём! В поведении, быту, учёбе, выборе профессии. И, как оказалось, в выборе спутницы жизни тоже... к моему несчастью...

* * *

Прошло ещё несколько дней. С Володей мы встречались лишь мельком, на бегу, ограничиваясь при встрече стандартным набором фраз:

– Привет! Как дела?

– Привет! Всё о'кей!

– Ты куда?

– На лекцию! А ты куда?

– К профессору Колессе! На пополнение своих дирижёрских знаний!

И тут же спешили дальше, каждый по своим делам. Чаще всего Володя уезжал на несколько дней в Киев. Там он заказывал «классным ребятам» (выражение Володи) аранжировки своих новых, инструментальных в основном, пьес. А когда возвращался, то всегда находил меня и приглашал со счастливым лицом прослушать в студии звукозаписи привезённые из Киева бобины.

Я вместе с другими работниками студии добросовестно прослушивал до конца все труды Володи, поддерживая, как правило, громкие восклицания восторгов по поводу того или иного прозвучавшего фрагмента, видя, как это приятно волнует создавшего эти фрагменты творца. Но меня постоянно не покидало ощущение, что это уже не тот путь, по которому должен идти дальше Володя. Что писать без конца только эстрадные песни – это уже мелко и недостойно его всемирно известного имени. Что ему уже давно пора всерьёз обратиться к классике и создавать крупные формы – оперы, балеты, писать концерты для фортепиано, струнных и других инструментов.

То есть нужно срочно начать развивать дальше свой могучий, заложенный природой потенциал, перейдя с эстрадного легкого жанра, принесшего ему быструю всемирную славу, на более солидный и престижный в музыкальном мире классический жанр. Тогда проснётся в нём новый азарт, появится ясная цель, к которой нужно будет стремиться: достичь широкой известности уже на более высоком творческом уровне – в классике! Где царствуют уже много веков, принося людям радость, великие Бах, Моцарт, Бетховен, Чайковский, Мусоргский, Шуберт, Глинка, Прокофьев, Стравинский, Дворжак, Сибелиус, Лысенко! Чтоб уже в ближайшее время, прославляя свою любимую родину – Украину, гордо поставить своё имя – Владимир Ивасюк – в один ряд с этими всемирно известными корифеями!

И вот однажды, возвращаясь из студии в консу, я после некоторых колебаний набрался всё же смелости и спросил Володю в обычной для меня полушутливой манере:

– А когда я дождусь, друг мой Моцарт, приглашения на прослушивание твоей... классической симфонии?

Володя внезапно остановился, долго и внимательно посмотрел мне в глаза, а потом спросил:

– Серьёзно? Ты действительно хочешь услышать мою классическую симфонию?

– Ну да! – простодушно подтвердил я своё желание. – И не только прослушать в записи, но и продирижировать её когда-нибудь самому!

– Спасибо, маэстро! – не отрывая взгляда от моего лица, произнёс Володя. – Постараюсь завтра же взяться за дело! Хотя не совсем уверен: возьмёшь ли ты мой труд в свой репертуар?

– Почему? – удивился я. – Почему вдруг такой непонятный для меня пессимизм смутил душу гения?

– А это нужно спросить... не у гения! – парировал мой вопрос неожиданным ответом Володя.

– А у кого? – крайне насторожился я.

– У того, кто его, этого гения, учил... пару лет назад... да не доучил, – ответил Володя. В глазах его я увидел боль...

Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в прошлое...

* * *

Думаю, не последнюю роль в упорном отторжении искусства Володи и его самого как творческой личности львовским музыкальным бомондом сыграл широко известный тогда на Украине композитор, лауреат Сталинской премии «за вклад в развитие советского искусства», ректор консерватории А. Кос-Анатольский. Именно ему Володя, находясь в зените славы, высказал однажды прямо в лицо несколько нелицеприятных слов упрёка по поводу его недостаточной компетентности как педагога, не умеющего дать своему ученику нужные для его творческого роста знания.

И произошло это (как мне признался однажды Володя, отвечая на мой вопрос, по какой причине он был исключён из консерватории) следующим образом. После очередной бесполезной попытки добиться от своего музыкального шефа желаемых знаний в области крупной формы, приёмов развития симфонических тем и – особенно – тайн полифонического письма, он сказал ему в сердцах:

– С таким обучением студентов Вам не в консерватории преподавать надо, а в деревнях быкам хвосты крутить!

И это было сказано в 1976 году ректору консерватории, профессору, народному артисту Украины, лауреату Государственной премии имени Т. Г. Шевченко, композитору, признанному уже при жизни классиком, автору известных песен и балетов, лауреату Сталинской премии, кавалеру ордена Ленина, депутату ВС СССР (1971 г.), председателю правления (с 1952 года) Львовского отделения Союза композиторов УССР.

(Я лично всегда с удовольствием слушал его часто звучавший в то время по радио «Незабутній вальс». Впервые этот вокальный шедевр я услышал в 1964 году, проснувшись утром в общежитии Киевского музыкального училища имени Р. М. Глиэра, где я обучался игре на гобое. Песня настолько впечатлила меня своей яркой образностью, обнажённостью чувств и красотой мелодии, что я мгновенно запомнил и музыку, и слова, и помню их до сих пор! Такое свойство памяти позволяло мне позднее, в бытность работы дирижёром, обходиться на своих симфонических концертах без партитур).

По внешнему виду это был высокий, сухопарый мужчина с сединой в волосах и приятной улыбкой. Иногда он, будучи уже на пенсии, заходил в консерваторию. Но чаще я видел его в филармонии на концертах симфонической музыки, где он неизменно бывал вместе со своей молодой красивой женой, бывшей ученицей. Именно ей и был посвящён его пленительный, полный страстной влюблённости «Незабутній вальс». С ними всегда были также два очаровательных сына (видимо, погодки) лет шести-семи.

Я обо всех творческих достижениях, почестях и заслугах перед страной А. Кос-Анатольского, конечно же, знал, поскольку перед поступлением во Львовскую консерваторию окончил как музыковед Одесскую консерваторию. Поэтому, выслушав признание Володи, я спросил его:

– А ты не думаешь, отважный боец, что не простит тебе никогда такой тяжёлой обиды этот... обласканный партией и правительством именитый творец? Ведь ты этим бычьим хвостом нанёс удар по всей его многолетней заслуженной, в общем-то, славе!

– Да... думаю об этом... как же... и жалею даже иногда, что выдал такое шефу своему! – проговорил медленно, с паузами, Володя. – Хотя... если честно, других слов у меня тогда для него как учителя не нашлось! Достал он меня... понимаешь – достал! До самых печёнок!

– А на чём вы с ним... так разошлись? Конкретно... можешь сказать? – спросил я Володю уже в упор, не отпуская далеко чрезвычайно взволновавшую меня тему.

– На правилах композиции, основе моего мастерства – вот на чём! – быстро ответил Володя. – Современные формы, гармонии и ритмы, что постоянно возникали в моём мозгу, его не интересовали! Абсолютно! О них он и слышать не хотел! Высмеивал... издевался над ними даже... И пытался навязывать мне постоянно что-то своё, чужое для меня, моих внутренних ощущений! А время шло, я уже заканчивал... третий курс. И все просьбы мои о том, чтобы заняться всерьёз классикой, полифонией... и другими нужными мне жанрами и стилями, вызывали у него одно раздражение...

Так случилось, например, с оперой-концертом «Дарья», что предложил я ему как будущую дипломную. И вдруг услышал от него через пару дней: «Я не советую вам так глубоко влезать в эту опасную, запорожскую тему». Представляешь – так мне и сказал: «Не советую!». Конечно же, я возмутился, стал горячо доказывать своё, в чём был как композитор и автор идеи абсолютно уверен! Но в ответ получил, словно обухом по голове, то, что лишило меня на время дара речи:

– Сюжет и замысел интересны – не возражаю! – негромко похвалил он вначале меня, хотя я уже видел... я чувствовал, как с трудом сдерживал он закипающую в нём ярость. – Но если вы не откажетесь от этого... дерзкого новаторства, то ваше странное сочинение, оскорбляющее классика, всё равно никогда не увидит свет. Оно навсегда будет похоронено в вашем рабочем столе.

И это была реакция моего учителя, профессора, на сюжет, над которым я работал столько дней и ночей! Где казаки-патриоты и их верная подруга Дарья спасают от врага свою любимую запорожскую вольницу! И где они должны были петь вместо долгих, малоподвижных классических арий много новых, стилизованных под старину песен! Какое пиршество украинской музыки могло бы на сцене быть, Валера! Какой высокий, священный дух любви к своим древним, давно забытым уже корням пробуждало бы это священное зрелище! Но... увы: всё это было уничтожено одной сухой... канцелярской фразой – «не советую!». Вот и не сдержался я после этого... Хотя... в общем-то, сказал я тогда ему... этому инквизитору, правду. Ученику, я считаю, нужно дать именно то, что может помочь развиваться органически его Божьему дару! То есть моему дару... с чем я... или кто-либо другой, пришёл в этот мир! А он... он, скорее всего, не мог мне этого дать! Даже если бы очень захотел! Потому что умел как профессионал очень мало! По крайней мере, мне этого... не хватало, чтобы стать настоящим профи в классической музыке!

(Слушая тогда эти страстные, с примесью горчайшей обиды признания Володи, я поневоле сравнивал атмосферу, в какой проходили пару лет назад его уроки по композиции, с той, полной доверия и взаимного уважения атмосферой, в которой проходило ныне моё обучение у всемирно известного профессора Николая Филаретовича Колессы – человека высочайшей духовной культуры, имевшего дипломы Высшего музыкального института им. Н. Лысенко (1924 г.) и Пражской консерватории по классу композиции и дирижирования (1928 г.). Каждый урок по мастерству у любимого профессора был для меня праздником, каждый совет и замечание глубоко западали мне в душу, помогали семимильными шагами познавать тайны любимой профессии. В результате чего мне удалось прекрасно освоить положенный объём знаний всего за три года вместо пяти и с блеском защитить свой диплом симфонического и оперного дирижёра.

Поэтому мне, к тому же ещё и музыковеду по первой консерватории, была абсолютно понятна подспудная, тщательно скрываемая от всех причина такого странного отношения А.

Кос-Анатольского к своему ученику. И заключалась эта причина в том, что профессор даже при всём его желании был действительно не в силах удовлетворить запрос своего пытливого, талантливого, уже всемирно известного самородка, стремившегося поскорее освоить твёрдые азы знаний, в связи с отсутствием у самого профессора... полноценного музыкального образования. Он ещё в ранней юности лишь недолго проучился в филиале Львовского высшего музыкального института им. Н. В. Лысенко. Но уже в 1927 году, в возрасте 18 лет, по настоянию отца поступил во Львовский университет на юридический факультет. Окончив его, долгое время работал юристом, затем концертмейстером в музыкальном училище, писал музыку к кукольным спектаклям, песни для детей. И лишь в 1952 году стал преподавать во Львовской консерватории, дослужившись до профессора (1973 г.), выпустив в свет многих своих учеников. Правда, я до сих пор не могу понять: какие знания по мастерству композиции мог давать своим чадам профессор А. Кос-Анатольский, не имеющий как композитор фундаментального классического образования не только в объёме консерватории, но даже музыкального училища?).

Но что сделано, то сделано – обида профессору была нанесена. Жестокая, непоправимая обида! И не кем-нибудь из маститых соперников по профессии, а молодым, зарвавшимся от свалившейся на него славы юнцом! Учеником, усомнившимся в самом святом, что есть у каждого творца – его истинной ценности как профессионала... И первое, что сделал могучий, уязвлённый в самое сердце босс: Володя был немедленно отчислен из числа студентов консерватории... за прогулы! Удобная причина, не правда ли? Но другой причины, видимо, тогда найти не смогли! И в самом деле: смешно и глупо было бы отчислить Володю, например, за профнепригодность! Любой суд, конечно же, немедленно вернул бы такую всемирно известную жертву чиновничьего произвола в число студентов!

* * *

А вскоре, в конце марта 1979 года, мы с Володей были направлены руководством консерватории на Всесоюзную студенческую конференцию по научному коммунизму в город Харьков. Я не был предупреждён об этом двойном направлении, поэтому мы добирались в бывшую столицу Украины, видимо, одним и тем же поездом, но в разных вагонах.

Прямо с вокзала я направился в городской отдел культуры для регистрации и устройства своего ночлега. Поднявшись на второй этаж и подойдя к нужному мне кабинету, я сразу увидел... Володю! Он стоял с чёрным портфелем в руке и что-то громко, на повышенных тонах, пытался объяснить высокому, с неприятной внешностью парню. Но тот, находясь в плотном кругу студентов, с ехидной ухмылкой периодически выпаливал ему прямо в лицо:

– Да, да... так я тебе и поверил... не пил ты, Ивасюк... конечно, ага... капли в рот даже не брал... святоша мне нашёлся!

И вдруг заорал, нагнувшись к Володе и размахивая перед его лицом руками:

– Приехал ты сюда... на семинар... пьяный, композитор «Червоной руты»! И все это видят! Все!!.. Покажи им свои глаза – они же у тебя красные... как у рака!

И тут же нагло рассмеялся Володе прямо в лицо. Его поддержали несколько стоявших поблизости от него молодых людей. Увидев, с какой яростью, сжав кулаки, Володя двинулся на юродствующего верзилу, я бросился к ним и, отгородив Володю от обидчика, попытался увести его подальше от конфликта.

– Пусти... я набью ему морду! – рвался из моих объятий Володя. – Я три ночи не спал... писал музыку... А он... идиот, кретин... решил меня... здесь... при всех... алкоголиком сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.